

В диссертационный совет 77.2.001.01,
созданный на базе ФГКОУ ВО
«Московская академия Следственного
комитета Российской Федерации
имени А.Я. Сухарева»
125080, г. Москва, ул. Врубеля, д. 12

ОТЗЫВ ОФИЦИАЛЬНОГО ОППОНЕНТА

о диссертации Колотилиной Анастасии Александровны
«Преступления, совершенные судебными приставами-исполнителями в связи
с исполнением служебных обязанностей», представленной на соискание
ученой степени кандидата юридических наук по специальности: 5.1.4.
Уголовно-правовые науки

Отношения в сфере деятельности сотрудников Федеральной службы судебных приставов как элемента системы органов государственной власти нуждаются в надлежащей уголовно-правовой охране от коррупционных посягательств как одного из факторов, негативно на указанную систему воздействующих изнутри. Однако несмотря на то, что на протяжении нескольких десятилетий вопросам уголовно-правового противодействия криминальной активности чиновников внимание уделяет даже высший судебный орган на уровне постановлений своего Пленума, немалое число проблем уголовной ответственности за служебные преступления продолжают оставаться в поле зрения представителей уголовно-правовой науки и не находят однозначного решения в правоприменительной практике.

Известная противоречивость этой практики, дискуссионность немалого числа суждений, высказываемых относительно уголовно-правовой квалификации криминалистами, большая сложность выработки универсальных правил уголовно-правовой оценки соответствующих деяний предопределяют вывод о безусловной **актуальности** предпринятого диссертантом исследования.

Творческий, самостоятельный характер диссертационного исследования, обращение автора к значительному числу литературных

источников, анализ ведущихся в науке дискуссий с вынесением на обсуждение сложных с точки зрения теории проблем, и, главное, выработка на этой основе собственных подходов к решению задач правоприменения и законотворчества позволяют говорить о *научной новизне* рецензируемого труда. Умелое использование автором методологического аппарата, оригинальность основанных на результатах научных поисков решений дает основание заключить, что в работе освещена *важная научная проблема*, имеющая к тому же несомненную *практическую значимость*.

Подход к определению структуры работы представляется методологически верным, позволяющим логично, последовательно изложить выявленные диссертантом проблемы и их решения.

Первая глава посвящена теоретико-правовым основам уголовной ответственности за преступления, совершаемые судебными приставами-исполнителями в связи с исполнением служебных обязанностей. Здесь раскрыты сущность и особенности правового положения Федеральной службы судебных приставов и правового статуса судебных приставов-исполнителей, а также показано развитие российского законодательства об ответственности за должностные преступления, совершаемые названными лицами. Во второй главе автор дает развернутую уголовно-правовую характеристику преступлений, совершаемых судебными приставами-исполнителями в связи с исполнением служебных обязанностей. Содержание третьей главы – наиболее сложные вопросы квалификации названных преступных деяний и обоснование предложений *de lege lata*.

Исследование хорошо научно оснащено и построено на прочном эмпирическом фундаменте.

Есть все основания для того, чтобы поддержать автора в большинстве отстаиваемых им суждений, говоря о которых, приведу в то же время некоторые замечания по поводу ряда выводов диссертанта.

1. В числе наиболее важных результатов исследования диссертант видит вывод о том, что «судебный пристав-исполнитель признается должностным лицом по признаку отнесения его не к лицам, на которых возложены организационно-распорядительные и административно-хозяйственные полномочия в органах государственной власти, а по признаку представителя власти, проходящего федеральную государственную службу в правоохранительном органе и наделенным в связи с этим распорядительными полномочиями в отношении лиц, не находящихся от него в служебной зависимости, а также правом принимать решения, обязательные для исполнения гражданами, организациями, независимо от их ведомственной принадлежности и форм собственности» (положение 1).

Не отрицая отнесение судебного пристава к кругу должностных лиц как лица, выполняющего функции соответствующего органа исполнительной власти¹, отмечаю в то же время, что указанные функции в немалом числе случаев неотличимы от выполняемых им в государственных органах организационно-распорядительных функций лица, как они понимаются высшим судебным органом: «к организационно-распорядительным функциям относятся полномочия лиц по принятию решений, имеющих юридическое значение и влекущих определенные юридические последствия»². Кроме того, так называемые кадровые функции в государственном органе, которые Пленум в том же пункте 4 относит к организационно-распорядительным³, также могут определять должностной

---

¹ Пункт 3 Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 16.10.2009 № 19 «О судебной практике по делам о злоупотреблении должностными полномочиями и о превышении должностных полномочий».

² Пункт 4 Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 16.10.2009 № 19.

³ Полномочия, которые связаны с руководством трудовым коллективом государственного органа или находящимися в их служебном подчинении отдельными работниками, с формированием кадрового состава и определением трудовых функций работников, с организацией порядка прохождения службы, применения мер поощрения или награждения, наложения дисциплинарных взысканий и т.п.

статус кого-либо из судебных приставов-исполнителей. Поэтому нераспространение на названных субъектов организационно-распорядительных полномочий может неосновательно исключить их ответственность за деяния, совершаемые в связи с исполнением такого рода служебных обязанностей.

2. Существенным достижением стало описание основных видов действия и бездействия как признаков такого элемента состава должностных преступлений, как объективная сторона должностного злоупотребления и превышения должностных полномочий, взяточничества и служебного подлога.

На первый взгляд, термин «способ», используемый в работе⁴ придает выводам криминалистическую окраску, вместе с тем диссертант лишь следует подходу высшего судебного органа, который многие разъяснения, касающиеся квалификации, снабжает подобным перечислением встречающихся наиболее часто в судебной практике фактических обстоятельств. И этот юридико-технический прием в самой высокой степени способствует уяснению иллюстрируемых Пленумом примерами правил уголовно-правовой оценки.

Как участник ряда организованных Верховным Судом рабочих групп по разработке проектов постановлений Пленума берусь утверждать, что формулирование описаний признаков деяний, которыми – описаниями – Пленум уточняет, к какому именно случаю относится предлагаемое им правило квалификации, представляет собой не меньшую сложность, нежели конструирование самого квалификационного положения.

Поэтому соглашаюсь с высокой оценкой той роли, которую диссертант дал соответствующему перечислению основных видов (способов)

совершения коррупционных преступлений, – этим примерам посвящено четыре положения из десяти.

3. В положении 7 отражены выявленные диссертантом при исследовании судебной практики преступные результаты служебных нарушений судебных приставов. В числе таких общественно опасных последствий автор называет нарушение имущественных прав взыскателя, выразившихся в окончании исполнительного производства без фактического обращения взыскания на имущество должника, неисполнение соответствующих судебных решений, влекущих нарушение права на судебную защиту и доступ к правосудию и др. Этот вывод следует поддержать.

Однако одна из групп вредных результатов, традиционно относящихся в науке и практике к общественно опасным последствиям должностных преступлений, вряд ли может быть названа, полагаю, признаком умышленного правонарушения чиновника. Речь идет о таких называемых диссертантом последствиях, как «подрыв авторитета государственной власти, формирование общественного мнения о неспособности органов публичной власти защитить права взыскателей».

Во-первых, такого рода последствия в постановлении Пленума Верховного Суда РФ⁵, в отличие от действовавшего ранее Постановления Пленума Верховного Суда СССР от 30.03.1990 № 4 «О судебной практике по делам о злоупотреблении властью или служебным положением, превышении власти или служебных полномочий, халатности и должностном подлоге» (подрыв авторитета органов власти), не названы.

А, во-вторых, перечисленные А.А. Колотилиной заведомые нарушения

---

⁴ Например: «основными способами использования судебным приставом-исполнителем своих служебных полномочий вопреки интересам службы как признака состава злоупотребления должностными полномочиями...».

⁵ Постановление от 16.10.2009 № 19.

со стороны судебных приставов сами по себе не указывают на форму вины в содеянном, вина здесь определяется по отношению к общественно опасным последствиям. Но поскольку должностное лицо, разумеется, стремится скрыть, в том числе от общественности, совершенные им нарушения закона, то утверждать, что чиновник умышленно собирался подрывать авторитет государственной власти, намеривался формировать общественное мнение о неспособности органов публичной власти защитить права взыскателей, нельзя.

4. В целом поддерживаю заключение автора о содержании корыстной и иной личной заинтересованности как мотива основных составов должностного злоупотребления и служебного подлога, а также мотив квалифицированного состава превышения должностных полномочий.

Вместе с тем приведенные в положении 8 дефиниции вызывают и некоторые возражения.

1) Корыстная заинтересованность, пишет диссертант, выражается в желании освободить себя и близких родственников / знакомых от имущественных взысканий по исполнительному производству, обеспечив незаконным путем материальное благополучие, получить необоснованное начисление и выплату премии, максимальной надбавки к должностному окладу, избежать законной материальной ответственности и др. Таким образом, в данном определении корыстный интерес представлен достаточно узко и не охватывает стремление удовлетворить материальные интересы лиц, не относящихся к числу обвиняемых либо их близких родственников или знакомых.

Однако Пленум, напротив, круг таких лиц не сужает, понимая под корыстной заинтересованностью «стремление должностного лица путем совершения неправомερных действий получить **для себя или других лиц** (выделено мной. – П.Я.) выгоду имущественного характера, не связанную с

незаконным безвозмездным обращением имущества в свою пользу или пользу других лиц»⁶. Выделенный мной текст показывает, что каких-либо ограничений круга лиц, получающих имущественную выгоду от преступных действия чиновника, высший суд не устанавливает.

Поэтому к таким лицам могут быть отнесены и те лица, которые не являются для виновного близкими. Например, те лица, в пользу которых он, лично не получая имущественной выгоды, совершил выгодные для них действия, являющиеся служебным нарушением. При этом мотивом может быть и не относящаяся к субъективной стороне должностного злоупотребления жалость, которая, однако, может рассматриваться как мотив одного из вида превышения полномочий, чаще всего конкурирующего с составом должностного злоупотребления⁷.

2) По мнению автора, иная личная заинтересованность соответствующих субъектов выражается в том числе в стремлении повысить служебный авторитет среди других сотрудников отдела путем совершения незаконных действий в их интересах, причем намерение неосновательно повысить авторитет А.А. Колотилина называет ложно понятыми интересами службы. С этим утверждением, однако, согласиться нельзя, поскольку совершение преступления из ложно понятых интересов службы исключает иную личную заинтересованность как желание лица извлечь выгоду неимущественного характера, обусловленное различными низменными побуждениями: карьеризм, семейственность, и т.д. Другое дело, что один из этих мотивов может преобладать, и тогда содеянное следует квалифицировать по доминирующему мотиву.

---

⁶ Пункт 16 Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 16.10.2009 № 19.

⁷ См. об этом, в частности: Борков В.Н. Оценка мотива при квалификации превышения должностных полномочий // Уголовное право. 2023. № 3. С. 20 – 27; Яни П.С. Должностное злоупотребление - частный случай превышения полномочий // Законность. 2011. № 12. С. 12 – 16. К слову, эти источники диссертантом не изучены, как и ряд иных современных работ по теме исследования.

Как видно из приведенных замечаний, отмеченные спорные положения не влияют на положительную оценку рецензируемого труда, представляющего собой самостоятельное творческое исследование серьезной научной проблемы, имеющей важное теоретическое и непосредственное прикладное значение.

Изложенное позволяет заключить, что выводы и положения, сформулированные диссертантом в процессе исследования, научно обоснованы, опираются на солидный теоретический фундамент, содержат бесспорный вклад в доктринальную разработку проблемы, а также достоверны, прошли необходимую апробацию и основаны на внимательном и правильном сопоставлении взглядов А.А. Колотилиной, ученых и практиков.

Выводы:

1. Диссертация Колотилиной Анастасии Александровны «Преступления, совершенные судебными приставами-исполнителями в связи с исполнением служебных обязанностей» является научно-квалификационной работой, содержащей решение задачи, имеющей значение для развития науки уголовного права, что соответствует требованиям п. 9 Положения о присуждении ученых степеней, утвержденного постановлением Правительства Российской Федерации от 24.09.2013 № 842 (далее – Положение о присуждении ученых степеней).

2. Диссертация Колотилиной А.А. написана автором самостоятельно, обладает внутренним единством, содержит новые научные результаты и положения, выдвигаемые для публичной защиты, и свидетельствует о личном вкладе автора диссертации в науку (п.10 Положения о присуждении ученых степеней). Работа не содержит некорректных заимствований, автор

ссылается на источник используемой информации (п. 14 Положения о присуждении ученых степеней).

3. Основные научные результаты диссертации опубликованы в рецензируемых научных изданиях, что соответствует п. 11, 13 Положения о присуждении ученых степеней.

4. Автор диссертации – Колотилина Анастасия Александровна заслуживает присуждения ученой степени кандидата юридических наук по специальности научных работников 5.1.4. Уголовно-правовые науки.

ОФИЦИАЛЬНЫЙ ОППОНЕНТ

Яни Павел Сергеевич

доктор юридических наук, профессор кафедры уголовного права и криминологии ФГБОУ ВО «Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова», научная специальность 12.00.08 (уголовное право и криминология; уголовно-исполнительное право)

Адрес: 119991, ГСП-1, г. Москва,

Ленинские горы, д. 1,

корп. 13-14 (4-й учебный корпус), ауд. 429а, 430а

Тел.: 89859208898

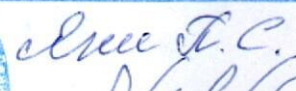
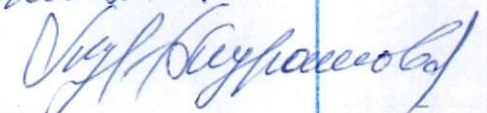
E-mail: pavel_yani@rambler.ru

/подпись/

«27» февраля 2025 г.

 2025 г.